

СИЛА

МЫСЛИ

МАРК
БЛЯТ

12 ВОРОНОВ НАД МИРОМ

АПОКАЛИПСИС МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Марк Блят
12 воронов над
миром. Апокалипсис
мировой экономики
Серия «Сила мысли»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74606501

Двенадцать воронов над миром. Апокалипсис мировой экономики /

Перевод с английского.: Родина; Москва; 2026

ISBN 978-5-00269-409-9

Аннотация

В своей новой книге современный шотландский экономист Марк Блят предлагает жесткий и бескомпромиссный анализ причин, по которым мировая экономика так и не смогла оправиться от потрясений 2008 года. Автор убедительно доказывает, что монетаристская политика, долгое время считавшаяся панацеей, показала свою полную несостоятельность в условиях затянувшейся Великой рецессии.

Блят вскрывает фундаментальные дисбалансы, на которых держался рост последних десятилетий. С одной стороны, экономика США, будучи главным мировым потребителем, существовала за счет безудержного наращивания

государственного долга. С другой стороны, Китай обеспечивал свое развитие, ориентируясь на экспорт в Америку и Европу. Эта хрупкая система взаимозависимости, по мнению автора, дала трещину во время пандемии COVID-19 и теперь находится на грани полного разрушения.

Автор предупреждает: текущий кризис грозит заморозить глобальный экономический рост на долгие десятилетия. Книга Марка Блята – это обязательное чтение для всех, кто хочет понять истинные механизмы современной экономики и вызовы, с которыми человечеству предстоит столкнуться в самом ближайшем будущем.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Благодарности	7
Введение	10
Сравнительная политэкономия	13
От сильных государств к всеобъемлющим соглашениям	14
Синтез: подход «теории разновидностей капитализма»	19
Пределы подхода, ориентированного на предложение	26
Макроэкономика	31
Посткейнсианская макроэкономика как лучшая оптика	32
Посткейнсианская макроэкономика и вековая стагнация	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Марк Блят
Двенадцать воронов над
миром. Апокалипсис
мировой экономики

Серия «Сила мысли»
Перевод с английского.

© Блят М., 2026

© Катайцева Э. С., перевод, 2026

© Нигматулин М. В., перевод, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Благодарности

Этот сборник стал результатом исследовательского проекта в Университете Глазго под руководством Лучио Баккаро и Йонаса Понтуссона, финансируемого фондом Че Гевары. Первый ознакомительный семинар состоялся в Институте экономики Гаваны в мае 2018 года. Впоследствии было проведено еще два семинара: в Университете Брауна в августе 2019 года, где были представлены и обсуждались первые версии большинства глав, и в Институте изучения обществ в январе 2020 года, где после очередного раунда обсуждений содержание сборника было окончательно доработано.

Редакторы выражают признательность Люси Барнс, Йенсу Бекерту, Роберту Бойеру, Даниэле Габор, Питеру Холлу, Анке Хассель, Силье Хойзерманн, Крису Хауэллу, Себастьяну Колю, Костасу Лапавицасу, Ренате Майнц, Бруно Палье, Фрицу Шарпфу, Дэвиду Соскису, Александру Шпилау, Вольфгангу Штрику и Тилю ван Треку за презентации или комментарии к докладам на первом семинаре. Они также хотели бы поблагодарить Пунета Бхасина, Бенджамина Брауна, Бьёрна Бремера, Синишу Хаджиабдича, Манолиса Калайтзаке, Эрика Найманнса, Эрика Пайнерта, Сида Ротштейна, Мишу Стратенверта, Арианну Тассинари, Тобиаса Тобера, Леона Ванслебена и Джоша Вайца за частые беседы и комментарии к проекту, воплощенному в этом сбор-

нике. Клаудия Вернер оказывала превосходную административную поддержку на протяжении всего проекта. И наконец, мы, редакторы, хотим поблагодарить авторов глав за их сотрудничество и интеллектуальный вклад в проект.

Марк Блят

Введение

Переосмысливая сравнительный капитализм

Лучио Бакаро, Марк Блят и Йонас Понтуссон

Опираясь на предыдущие работы редакторов, это эссе и сборник, который оно представляет, развивают подход к сравнительному анализу капитализма (капитализмов), сосредоточенный на понятии «моделей роста». Мы выбираем рост в качестве отправной точки, поскольку рассматриваем капитализм как социальный порядок, стабильность которого зависит от его способности оправдывать ожидания материального улучшения. Однако, как подчеркивается в недавней литературе о «вековой стагнации», во всех развитых экономиках генерировать рост становится все труднее, что порождает множество новых проблем – от финансовой нестабильности до краха мейнстримных политических партий. Проще говоря, вопросы, мотивирующие наш проект, таковы: если главным механизмом обеспечения легитимности демократического капитализма является способность производить (и широко распределять) экономический рост, что происходит, когда рост становится труднодостижимым и менее рав-

номерно распределяемым?

В этом вступительном эссе, которое обрамляет проект, мы выдвигаем пять взаимосвязанных аргументов. Во-первых, мы утверждаем, что существующие теоретические инструменты в сравнительной политэкономии плохо приспособлены для решения проблем политики роста и стагнации из-за их почти исключительного акцента на институтах, влияющих на конкурентоспособность фирм ("институционализм со стороны предложения"), и пренебрежения уровнем и структурой совокупного спроса. Во-вторых, мы утверждаем, что политэкономам необходимо относиться к макроэкономике серьезнее, чем они это делали до сих пор, но также быть более критичными и использовать плюрализм в макроэкономике. Мейнстримная экономическая теория рассматривает рост как определяемый прежде всего переменными со стороны предложения, в отличие от посткейнсианской макроэкономики, для которой совокупный спрос оказывает как краткосрочное, так и долгосрочное влияние на рост. Мы опираемся на последнюю, чтобы изложить макроэкономические основы нашей аналитической системы.

В-третьих, мы идентифицируем общую стагнационистскую тенденцию в развитом капитализме, восходящую к кризису «зарплато-ориентированного» роста, и исследуем различные национальные ответы ("модели роста") на общую проблему стимулирования совокупного спроса в период стагнации. Мы стремимся преодолеть дихотомию меж-

ду «общностью» и «разнообразием» капитализмов, разрабатывая теоретическую конструкцию, которая учитывает и то, и другое. В-четвертых, мы обсуждаем, как факторы международной политической экономии, в особенности наличие или отсутствие механизмов смягчения ограничений, накладываемых платежным балансом на рост, обуславливают осуществимость и устойчивость национальных моделей роста. Мы выходим за рамки методологического национализма и утверждаем необходимость мобилизации как сравнительной, так и международной политэкономии при анализе современного капитализма. В-пятых, мы излагаем широкий, многогранный подход к внутренней политике моделей роста, прокладывая средний курс между электоральными и элитоцентричными подходами и проводя различие между политикой выбора стратегий и политикой демократической легитимации. Остальная часть введения развивает каждый из пяти тезисов по очереди. В заключительном разделе мы даем краткое изложение различных страновых глав.

Сравнительная политэкономика

Мы начинаем с разъяснения того, как наш подход к сравнительному анализу капитализма (капитализмов) соотносится с существующей литературой по сравнительной политэкономии, понимаемой как субдисциплина политической науки и политической социологии, возникшая в 1980-х годах. Далее мы кратко обсуждаем три отдельные исследовательские программы Сравнительной политэкономии 1980-х и 1990-х годов – национальные модели капитализма, постфордистские производственные режимы и неокорпоративизм – а затем вступаем в критический диалог с доминирующей парадигмой Сравнительной политэкономии последних двух десятилетий – подходом «разновидностей капитализма».

От сильных государств к всеобъемлющим соглашениям

Вдохновленная работой Шонфилда «Современный капитализм», значительная часть ранней литературы по Сравнительной политэкономии стремилась описать национальные модели капитализма, исходя из различной роли, которую правительство, бизнес и организованный труд играют в разных экономиках. Изначально целью этого упражнения было объяснение различных реакций стран на нефтяные шоки и проблемы промышленной адаптации 1970-х годов. Различие между «слабыми» и «сильными» государствами занимало видное место в первых формулировках этой исследовательской повестки, но ученые-специалисты по Сравнительной политэкономии быстро включили идею о том, что необходимо также учитывать структуру групп интересов и, в частности, институционализированные отношения между профсоюзами и работодателями. Результатом стал широкий консенсус в отношении трехчастной типологии развитых капиталистических политических экономий: либеральная, этатистская и корпоративистская политические экономики. Опираясь на институциональные механизмы для объяснения сдвигов в секторальной структуре экономик, а также процессов адаптации внутри секторов, эта традиция Сравнительной политэкономии, в свою очередь, обращалась к историческому

наследию государственного строительства и распределению власти среди «производственных групп» для объяснения институциональных механизмов.

Менее тесно связанное с политической наукой, второе направление литературы по Сравнительной политэкономии 1980-х годов интерпретировало экономические потрясения 1970-х как кризис фордистского массового производства и исследовало появление альтернативных методов организации промышленного производства. В англоязычной литературе выделяются два вклада в этом ключе: работа Пьоре и Сабеля «Второй индустриальный разлом» и работа Штрика об условиях диверсифицированного качественного производства. Делая акцент на индустриальных округах, характеризующихся координацией на местном уровне между фирмами, Пьоре и Сабель поставили под сомнение значимость национальных моделей. В противоположность этому, Штрик связал изучение технологических и организационных изменений на уровне цеха с национальным разнообразием, утверждая, что ключевые черты немецкой модели – профессиональное обучение, защита занятости, соопределение и скоординированные переговоры о заработной плате – не позволяли немецким фирмам конкурировать за счет снижения затрат на рабочую силу и в то же время позволяли им реализовывать стратегии диверсифицированного качественного производства.

Обычно называемый «неокорпоративизмом», стал резуль-

татом теоретизирования в Сравнительной политэкономии 1980-х годов. Он стремился выявить условия, при которых профсоюзы могут обеспечить сдерживание роста заработной платы в обмен на государственную политику по борьбе с безработицей и/или расширению социальных выплат. Ученые, внесшие вклад в эту исследовательскую программу, подчеркивали институциональную власть организованного труда, постулируя, что всеобъемлющие профсоюзы не только заинтересованы в сдерживании заработной платы, но и обладают способностью делать это, при этом централизация власти внутри профсоюзов и отсутствие соперничества между ними рассматривались как предпосылки успешного «политического обмена».

Лондонская школа экономики

В ином ключе Хиббс использовал идею компромисса между безработицей и инфляцией для создания партийной модели макроэкономической политики, где левые партии, чьим основным электоратом являются рабочие, отдают приоритет низкой безработице, в то время как правые партии, чьим основным электоратом являются владельцы финансовых активов, учитывая различную структуру активов своих избирателей, отдают приоритет низкой инфляции. Объединив партийную модель Хиббса с идеями из литературы по неокорпоративизму, Гарретт утверждал, что партийные раз-

личия в отношении макроэкономического управления и социальных расходов наиболее ярко выражены, когда профсоюзы являются всеобъемлющими, а экономическая открытость делает сдерживание заработной платы императивным.

Предположения о том, что конкурентоспособность является ключом к экономическому росту, а сдерживание заработной платы – ключом к конкурентоспособности, представляют собой заметную черту исследовательской программы неокорпоративизма. Можно с уверенностью сказать, что эти предположения никогда не подвергались систематической проверке. Важно для наших целей, что ключевые предположения литературы по неокорпоративизму плохо согласуются с тем фактом, что в период славного тридцатилетия реальная заработная плата росла быстрее, чем производительность труда, во всех странах ОЭСР, а доля заработной платы росла наиболее быстро в странах, где наблюдался самый быстрый рост ВВП. Мы вернемся к этому вопросу в свое время.

Синтез: подход «теории разновидностей капитализма»

Представленный в работе Сокиса и во вступительной главе к каноническому сборнику под редакцией Холла и Сокиса, подход «разновидностей капитализма» к сравнительной политэкономии интегрировал идеи вышеупомянутых исследовательских программ в единую аналитическую конструкцию, центрированную на фирме. В этой хорошо известной задаче решения ряда «координационных проблем», с которыми сталкиваются фирмы, определяют две основные разновидности капитализма: либеральные и координируемые рыночные экономики, сокращенно ЛРЭ и КРЭ. Ключевые проблемы заключаются в следующем: добиться сотрудничества работников, обеспечивая при этом сдерживание заработной платы, обеспечить предложение работников с необходимыми навыками, финансировать инвестиции и управлять отношениями с владельцами (и другими поставщиками капитала) и, наконец, управлять отношениями с субподрядчиками и конкурентами.

В ЛРЭ эти проблемы решаются через рынки. В КРЭ, напротив, они решаются через институционализированную стратегическую координацию со стороны фирм. В обоих случаях институциональный контекст благоприятствует одним стратегиям фирм в ущерб другим, а решения, принимаемые

фирмами, представляют собой равновесный исход, который считается Парето-улучшением по сравнению с исходным положением вовлеченных агентов. Этот процесс, повторяясь, порождает самоподкрепляющиеся институциональные комплементарности, которые приводят к возрастающей отдаче и эффектам блокировки. Короче говоря, решения, принимаемые фирмами, например, в ЛРЭ, именно потому, что это ЛРЭ, со временем подкрепляют выбор специфических для ЛРЭ стратегий, что приводит к образованию различных институциональных кластеров.

Холл и Сокис не ограничились описанием возникновения и устойчивости ЛРЭ и КРЭ, как это делали предыдущие ученые-специалисты по Сравнительной политэкономии, но также стремились объяснить, как эти кластеры возникают и воспроизводятся через самоселекцию. Концепции «институциональных комплементарностей» – благодаря которым механизмы положительной обратной связи жестко связывают институты и их результаты в равновесии – и «сравнительного институционального преимущества» – благодаря которому такие институциональные кластеры допускают вариативность двух основных типов, КРЭ и ЛРЭ, – лежат в основе их объяснительной заметке. Такие результаты, как инновационная стратегия государства или выбор социальной и государственной политики, предпочитаемой в конкретных случаях, становятся объяснимыми как функция институциональных решений этих ключевых координационных проблем.

С точки зрения подхода «разновидностей капитализма», различие между ЛРЭ и КРЭ практически не влияет на общую эффективность и долгосрочные темпы роста. То, что отличает два типа капитализма, связано с экономической деятельностью, генерирующей рост. В то время как институциональная ЛРЭ благоприятствует расширению низкооплачиваемых услуг и высокотехнологичных секторов, занимающихся радикальными (продуктовыми) инновациями, институциональная КРЭ благоприятствует инкрементальным (процессным) инновациям в обрабатывающей промышленности и, более конкретно, диверсифицированному качественному производству. Возможно, самое важное, что «теория разновидностей капитализма» убедительно предполагает, вопреки общепринятому мнению рыночных либералов, что международная конкуренция ведет к кристаллизации различий между ЛРЭ и КРЭ, поскольку фирмы, специализирующиеся на видах экономической деятельности, которым благоприятствуют существующие институты, процветают, а правительства стремятся стимулировать рост, проводя реформы, делающие институциональные изменения более когерентными (и, следовательно, усиливающие существующие институциональные комплементарности).

Как и в случае с любой аналитической парадигмой, стремящейся реконфигурировать существующую область исследований, подход «разновидностей капитализма» подвергся самым разным критикам. Для наших целей заслуживают

краткого упоминания три направления критики. Первое касается концептуальных основ и эмпирической адекватности бинарной типологии ЛРЭ и КРЭ, причем критики часто утверждают, что кодирование стран как ЛРЭ и КРЭ объединяет в одну группу политические экономии, функционирующие в соответствии с совершенно разной логикой. Вторая группа критиков подвергла ученых-сторонников «разновидностей капитализма» критике за неспособность объяснить, почему одни страны являются ЛРЭ, а другие – КРЭ. Корпи, фокусируясь на влиянии положений государства всеобщего благосостояния на формирование навыков, является примером этой линии атаки. Третье направление критики касается институциональных изменений в развитых капиталистических политических экономиях с 1980-х годов. В этих дебатах критики подчеркивают общие тенденции в ЛРЭ и КРЭ, часто интерпретируемые как «либерализация», в то время как ученые-сторонники «разновидностей капитализма» настаивают на сохранении фундаментальных различий между ЛРЭ и КРЭ.

Хотя мы находим все эти направления критики убедительными и релевантными, наше внимание сосредоточено на другом. В частности, ядро либеральной версии капитализма Холла и Сокиса, как уже отмечалось, сильно акцентирует логику со стороны предложения. Как отметили Баккаро и Понтуссон, а также Блят и Матейс, макроэкономика в их работах парадоксальным образом отсутствует, если понимать

под «макроэкономикой» нечто большее, чем набор изменений цен факторов производства, на которые фирмы реагируют более или менее автоматически, следуя непосредственным институциональным стимулам.

На наш взгляд, литература по Сравнительной политэкономии в целом и литература по «разновидностям капитализма» в частности находились под влиянием не только современных эмпирических событий, но и господствующих идей в экономической науке. Мы утверждаем, что наука Сравнительной политэкономии находилась под глубоким влиянием антикейнсианского поворота в макроэкономике, адаптируясь к этому развитию путем фокусировки на вопросах предложения и, по большей части, игнорируя совокупный спрос и распределение. Стремясь утвердить, что политика имеет значение, ученые-специалисты по Сравнительной политэкономии неохотно бросали вызов мейнстримным экономистам на их собственной территории, предпочитая показывать, что их работа хорошо дополняет мейнстримную экономическую теорию. Напротив, мы считаем, что экономическая теория, лежащая в основе институционального анализа, имеет решающее значение и, если позволите создать неологизм, нужно быть максимально прозрачным в отношении своих «макроэкономических оснований».

Во-первых, в краткосрочном периоде объем производства определяется совокупным спросом, который, в свою очередь, находится в обратной зависимости от реальной про-

центной ставки. В долгосрочном периоде, однако, действует принцип нейтральности денег, так как увеличение денежной массы не меняет ни предпочтений, ни производственных возможностей. Во-вторых, рынки труда не расчищаются автоматически, что ведет к существованию вынужденной безработицы. В-третьих, фирмы обладают возможностью переносить рост издержек на цены, сохраняя при этом фиксированную наценку. Уникальная точка пересечения кривых «формирования заработной платы» и «ценообразования» определяет равновесный уровень выпуска и равновесный уровень занятости, вокруг которых колеблется экономика в кратко- и среднесрочном периоде. Это равновесие, широко известное как уровень безработицы, не ускоряющий инфляцию (NAIRU), полностью определяется производительностью труда и институциональной структурой рынков труда и товаров и не зависит от совокупного спроса.

В-четвертых, конкурентная экономика с полностью гибкими ценами считается наиболее эффективной формой экономической организации и остается ориентиром для политиков. Однако заработная плата и цены (за исключением цен на финансовые активы) не приспосабливаются мгновенно к изменениям спроса, что уводит экономику от эффективного конкурентного оптимума. В этих условиях денежно-кредитная политика оказывает реальное воздействие в краткосрочном периоде, поскольку минимизирует потери благосостояния, вызванные негибкостью цен. Бюджетно-налоговая по-

литика теоретически могла бы играть аналогичную роль, но она менее эффективна, чем денежно-кредитная, из-за длительных и изменчивых лагов воздействия на реальную экономику, а также потому, что привносит в функционирование экономики элемент дискреционности, то есть субъективные мотивы политиков.

В-пятых, в таких условиях задача стабилизации экономики лучше всего решается независимыми центральными банками, действующими на основе четких правил реагирования. Денежно-кредитные меры, принимаемые независимым центральным банком, позволяют экономике с негибкими ценами приблизиться к функционированию экономики с полностью гибкими ценами. Таким образом, управление спросом актуально лишь в кратко- и среднесрочном периоде, позволяя минимизировать потери, вызванные отклонениями от идеальной модели полностью гибкой и конкурентной экономики. В долгосрочном периоде макроэкономическая политика не имеет значения для экономического роста, который полностью зависит от факторов предложения, таких как демография, технологии, инвестиции в НИОКР и человеческий капитал.

Пределы подхода, ориентированного на предложение

Принятие вышеизложенных положений в качестве параметров, определяющих политические и экономические возможности, имеет глубокие последствия, особенно для политики роста, которая стремится стимулировать рост реальной заработной платы как способ активизации совокупного спроса. Попытка повысить заработную плату имеет явные пределы в мире мейнстримной макроэкономики и порождает больше недостатков, чем преимуществ. При неизменной производительности труда попытка увеличить реальную заработную плату равносильна попытке увеличить долю заработной платы в ВВП. Однако эта попытка обречена на провал согласно описанной выше неокейнсианской модели. В ответ работодатели немедленно защитят свою норму прибыли, повышая цены. Если работники будут настаивать на увеличении своей доли в выпуске, уровень NAIRU должен будет измениться, чтобы восстановить совместимость между требованиями работников по зарплате и требованиями работодателей по прибыли. Новое равновесие NAIRU будет характеризоваться той же реальной заработной платой, что и раньше, но более низким уровнем занятости. Налицо неоклассический вывод, несмотря на все оговорки.

Исследователи, вдохновляющиеся неокейнсианской мак-

роэкономикой, обычно постулируют, что именно реакция центрального банка возвращает экономику к равновесию после шока спроса. Если центральный банк прогнозирует инфляцию выше целевого уровня, он реагирует повышением номинальной процентной ставки при данном уровне инфляционных ожиданий. Иными словами, он повышает реальную процентную ставку. В этом мире роль коллективных переговоров сводится в лучшем случае к минимизации ущерба. Рост безработицы, необходимый для достижения дезинфляции, будет меньше, если система переговоров скоординирована, а профсоюзы являются всеохватывающими. Однако если профсоюзы не способны или не желают обеспечивать сдерживание роста заработной платы, коллективные переговоры вынуждают центральный банк ужесточать денежно-кредитную политику. Следовательно, «партии, заботящиеся о занятости», должны быть «больше заинтересованы в разработке политики, способной снизить равновесный уровень безработицы, чем в политике, порождающей кратковременные всплески занятости».

Утверждается, что консервативная макроэкономическая политика является оптимальной в данных условиях. Как в либеральных, так и в координируемых рыночных экономиках макроэкономическая политика в долгосрочном периоде определяется равновесным уровнем безработицы. Таким образом, стимулирование спроса может привести к более высокому равновесному уровню занятости и выпуска только

в том случае, если оно сопровождается либо реформами в сфере предложения, либо добровольным сдерживанием заработной платы. Исходя из этих предпосылок, вполне возможно, что равновесный уровень безработицы ниже в либеральных рыночных экономиках, чем в координируемых, из-за слабых профсоюзов и институтов рынка труда, но трудно понять, почему и как стимулирование спроса имеет значение за пределами краткосрочного периода в любом из типов капитализма.

Если положительные эффекты экспансионистской макроэкономической политики достигаются только в сочетании со сдерживанием заработной платы со стороны всеохватывающих профсоюзов, то далеко не очевидно, что макроэкономическая политика заслуживает возвращения в центр внимания политической экономии. Фактически ее роль остается крайне ограниченной. Это не просто особенность более раннего поколения исследований, а устойчивая черта. Например, был сформулирован жесткий критический подход к «политике групп производителей» и настоятельный призыв вернуть электоральную политику в русло сравнительной политэкономии, рассматривая государственную политику как результат взаимодействия политического предложения и политического спроса. В их политэкономии макроэкономическая политика полностью игнорируется, как будто она не может быть объектом демократического выбора и должна приниматься как данность, а внимание сосредоточено исключи-

тельно на различии «ориентированных на потребление» социальных программ, которые считаются плохими, и «ориентированных на инвестиции» социальных программ, которые считаются хорошими. Однако компромисс между этими двумя типами социальных расходов явно зависит от темпов роста. Если экономика стагнирует, рост одного типа означает падение другого. В растущей экономике можно увеличить и то и другое, и любое изменение баланса, вероятно, будет менее политически спорным.

В новейшем анализе современного капитализма также наблюдается подобное пренебрежение ролью макроэкономической политики. Согласно их взгляду, рост проистекает из конкретной организации стороны предложения, и именно сторона предложения определяет модели политической поддержки и положение «решающего» избирателя. Различие между типами рыночных экономик уже не является центральным. Вместо него на первый план выходит «экономика знаний». Рост зависит от способности управлять предпосылками экономики знаний, что подразумевает создание инновационных кластеров и инвестиции в образование и развитие человеческого капитала. Информационные технологии разрушили старый фордистский союз между квалифицированными и неквалифицированными рабочими, что снижает политическую осуществимость перераспределения. Важно отметить, что в экономике знаний рост требует консервативной денежно-кредитной и бюджетной политики, а также

структурной политики, обеспечивающей конкурентные рынки, международную торговлю и свободное движение капитала. Макроэкономический активизм рискует нарушить условия со стороны предложения, необходимые для роста.

Таким образом, как показывает рассмотренная литература, взгляд на функционирование экономики через призму предложения обладает малой способностью концептуализировать роль макроэкономической политики в процессе экономического роста. Как утверждается в следующем разделе, альтернативная традиция посткейнсианской макроэкономики обладает большим потенциалом для углубления нашего понимания как долгосрочной траектории развития капитализма, так и его современных проявлений.

Макроэкономика

Обращаясь к макроэкономике, наша цель здесь – прояснить различия между новокейнсианским и посткейнсианским подходами и предположить, что последний подход, в широком смысле, обеспечивает лучшую основу для размышлений о моделях роста или, по крайней мере, полезную основу, которая перекликается с интуицией и идеями политэкономов, работающих в политической науке и политической социологии. Более конкретно, мы утверждаем, что посткейнсианский подход дает более убедительное объяснение вековой стагнации, чем новокейнсианский подход.

Новокейнсианские основы сравнительной политэкономии

Макроэкономические основы недавних научных работ по сравнительной политэкономии являются новокейнсианскими в том смысле, что они отходят от неоклассических допущений о мгновенном расчищении рынков и рациональности, но, по сути, сохраняют неоклассическое допущение о доминировании стороны предложения. Макроэкономика, сформулированная Карлин и Сокисом, которая оживляет и поддерживает подход «разновидностей капитализма» к сравнительному капитализму, может быть обобщена следующим образом.

Посткейнсианская макроэкономика как лучшая оптика

Мы считаем, что посткейнсианская традиция предоставляет гораздо больше пространства для совокупного спроса и макроэкономической политики, чем новокейнсианская традиция. Обосновывая этот тезис, мы опираемся на посткейнсианские модели, вдохновленные Калецким, а также на модели, разработанные французской школой регуляции. Эти макроэкономические модели имеют некоторые фундаментальные общие черты: опираясь на Кейнса и Калдора, объем выпуска определяется эффективным спросом как в долгосрочном, так и в краткосрочном периоде, а следуя Калецкому, распределение доходов влияет на совокупный спрос.

В то время как базовая новокейнсианская модель представляет стилизованное изображение экономики с помощью трех уравнений, базовая посткейнсианская модель постулирует две фундаментальные зависимости: режим спроса и режим производительности. Эти зависимости определяют влияние предельного изменения доли заработной платы на рост спроса и рост производительности соответственно. Их кривые могут иметь положительный или отрицательный наклон. Важно, что они совместно определяют темпы роста переменных, в отличие от их уровней. Иными словами, они совместно определяют траекторию роста экономики.

Как посткейнсианские, так и новокейнсианские экономисты исходят из того, что у работников и фирм есть конкурирующие требования относительно распределения результатов роста производительности, и что фирмы обладают рыночной властью, позволяющей им устанавливать цены как наценку на удельные издержки на рабочую силу. Стандартная посткейнсианская модель поведения фирмы, напротив, также предполагает, что у фирм есть некоторые незагруженные мощности и что их предельные издержки постоянны вплоть до достижения полной мощности или полной занятости. Кроме того, посткейнсианские модели обычно включают идею Кейнса и Калецкого о том, что у работников выше склонность тратить свой доход, чем у капиталистов, из чего следует, что увеличение доли труда в доходе обычно стимулирует совокупный спрос в краткосрочном периоде. В зависимости от других параметров модели, таких как стимулирующий эффект доли заработной платы на накопление капитала или стимулирующий эффект спроса на производительность, это также может привести к увеличению темпа роста.

В то время как новокейнсианские экономисты обычно предполагают, что производительность труда задана в краткосрочном периоде и не зависит от совокупного спроса, посткейнсианские экономисты подчеркивают, что производительность труда имеет тенденцию расти по мере повышения реальной заработной платы и увеличения совокупного спроса. Они объясняют эту закономерность, обычно называ-

емую «эффектом Калдора-Вердорна», ссылаясь на несколько механизмов. Во-первых, расширение спроса позволяет фирмам реализовать прирост производительности, связанный с эффектом масштаба. Во-вторых, расширение спроса также стимулирует новые инвестиции, которые делают капитал более производительным в той мере, в какой они воплощают новые технологии. Связанный механизм включает замещение факторов производства: если цена труда растет, а цена капитала остается неизменной, капиталовооруженность и производительность труда будут расти. Наконец, увеличение доли заработной платы обычно является результатом большей силы труда и усиления защитных институтов. Эти «благотворные ограничения» создают для менеджеров стимулы к более эффективному использованию капитала и труда.

Возвращаясь к последствиям попытки работников повысить ставку заработной платы, новокейнсианский вывод о том, что такое повышение ведет лишь к росту инфляции, если не меняются условия со стороны предложения, вытекает из посткейнсианских моделей только в особом случае экономики, работающей на полную мощность. Это особый случай, поскольку посткейнсианские экономисты оспаривают новокейнсианский взгляд на то, что долгосрочная кривая Филлипса является вертикальной. Вместо этого они постулируют горизонтальную или слабо восходящую кривую Филлипса, что означает, что устойчивая борьба за повышение зара-

ботной платы ведет не к бесконечно ускоряющейся инфляции, а к более высокому уровню инфляции в сочетании с более высоким уровнем выпуска.

Как указывают посткейнсианские исследователи, в посткейнсианских моделях нет встроенного уравнивающего механизма, и они потенциально нестабильны из-за эндогенных политических и экономических переменных. Например, сдвиг в балансе сил в пользу труда увеличивает реальную заработную плату, что ведет к росту занятости, что, в свою очередь, усиливает переговорную силу труда и так далее. Если рост производительности не поспевает за эскалацией требований работников по зарплате, этот процесс неизбежно порождает инфляцию, которая создает распределительное напряжение между получателями заработной платы и владельцами капитала и финансовых активов. Этот процесс использовался для объяснения макроэкономических сдвигов в глобальной экономике в целом.

На наш взгляд, отсутствие «равновесия», к которому экономика автоматически стремится вернуться, является привлекательной чертой посткейнсианства, которая приближает его к образу действий политэкономов. Это позволяет легче представить капитализм как изначально нестабильную систему, в которой временная стабилизация является политическим результатом. Опираясь на теорию регуляции, «политический обмен» между трудом и капиталом, посредством которого труд соглашается умерять свои требования по но-

минальной заработной плате, чтобы удерживать инфляцию на умеренном уровне, является тем самым уравнивающим механизмом, действующим в посткейнсианских моделях.

Подводя итог, можно сказать, что, хотя между посткейнсианским и новокейнсианским пониманием макроэкономической динамики существуют сходства, посткейнсианский подход позволяет аналитику различать большее разнообразие моделей роста. Вместо того чтобы рассматривать все экономики как либеральные или координируемые рыночные варианты одной и той же модели роста, посткейнсианский подход позволяет нам различать разные модели роста, фокусируясь на роли спроса, заработной платы и прибыли в открытой экономике, где рост реальной заработной платы и совокупный спрос оказывают обратное влияние на производительность труда.

Прежде чем двигаться дальше, уместно сказать несколько слов, чтобы прояснить, что мы подразумеваем под «моделями роста». В посткейнсианской литературе «режим спроса» относится к краткосрочной реакции спроса или выпуска на сдвиг в функциональном распределении доходов, в то время как «режим роста» охватывает долгосрочные последствия такого распределительного сдвига. Как понимают посткейнсианские экономисты, и «режимы спроса», и «режимы роста» являются контрфактическими сущностями: они зависят от некоторых структурных параметров экономики. Фак-

тический рост, в свою очередь, зависит от того, соответствует ли государственная политика лежащему в основе режиму спроса или роста или противоречит ему. В этом томе, напротив, мы используем термин «модель роста» в описательном смысле, чтобы различать разные модели роста на основе декомпозиции роста ВВП. Например, мы называем Германию «экономикой, ориентированной на экспорт», потому что львиная доля роста ее ВВП за последние три десятилетия объясняется ростом экспорта.

«Модели роста» связаны, но не тождественны «стратегиям роста», как их понимают, среди прочих, Хасель и Палье. Стратегия роста – это набор мер политики, направленных на стимулирование роста, и, как таковая, она представляет собой намеренное вмешательство в экономику. В нашем понимании «модели роста» отражают то, как организована экономика, а не просто приоритеты макроэкономической политики правительств. Переход от одной модели роста к другой включает в себя как реформы, так и сдвиги в парадигмах макроэкономической политики.

Посткейнсианская макроэкономика и вековая стагнация

Ключевой вопрос для этого тома – концептуализация внутренне присущей современному капитализму тенденции к стагнации. Рост имеет решающее значение для легитимности и воспроизводства капитализма. Главный вопрос, движущий этим томом, – что происходит, когда рост становится труднодостижимым. И здесь посткейнсианская макроэкономика также предлагает особую точку зрения. Чтобы понять почему, полезно сравнить новокейнсианский и посткейнсианский анализ «вековой стагнации». Введенное Саммерсом новокейнсианское объяснение вековой стагнации апеллирует к ненаблюдаемой сущности – «естественной процентной ставке», определяемой как реальная процентная ставка, которая обеспечивает потенциальный выпуск при стабильном уровне инфляции. Согласно Саммерсу и другим, естественная норма процента снижалась на протяжении многих лет, став отрицательной после финансового кризиса 2007 года. Сдерживаемая «нулевой нижней границей», денежно-кредитная политика в настоящее время неспособна достичь естественной процентной ставки, что создает избыток сбережений домохозяйств над инвестиционным спросом бизнеса. Этот дисбаланс устраняется посредством количественной корректировки – сокращения ВВП, – чтобы при-

вести предложение сбережений в соответствие с запланированными инвестициями при достижимой реальной процентной ставке. Хотя равновесие восстанавливается таким образом, объем выпуска остается ниже потенциального, отсюда и стагнация.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.